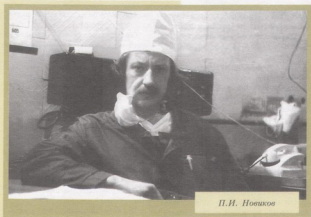

Воспоминания

НАЧАЛЬНИК СЛУЖБЫ РБ СФ НИКИЭТ
ПЕТР ИЛЬИЧ НОВИКОВ (вып. 1977 г.)

НА ОУШИБЕ НА ОУШИБЕ

П.И. Новиков

На переправе было тихо. Колыма — спокойна.

Бревенчатый паром скрипел своей лебедкой, в изнеможении, но все же продвигался к цели.

Погибельная слава здешних мест неиможно стеснила грудь. На середине реки провалился под козлу.

Трое самых темпераментных вдруг взяли было снова побренчать по струнам, — мол, прямо на воде!.. Да тут же испугались самих себя, — притихли.

Смеяться не моглось. Произносить слова тем более.

Зато курилось вкусно. И много дымало от чего-то. Как у гроба.

Сгустилась сумерки. Заморосило. Со всех боков надвинулась сырая мгла: еще чуть-чуть — и что-нибудь вот-вот случится...

Река же оставалась тихой и спокойной. Нелса себя все так же молчаливо.

Не пророни ни слова — будто ведьма — захододела все живое в камень: тайна.

Немного поворачая, затих и разговорчивый старик-паромщик (два метра росту, косая сажень) — остановив лоток своей нетерпеливой окладеющей реки, Сиекумю молгали: лускай-де юноша вникнуат... — А сам-от помолчу. Да покурю пока.

На место прибывлю еще глубокой ночью. «Якхо Красной». Поселок золотородничков. Небольшой населенный пункт вроде хутора: четыре крепких избы, домик — столовая, баня. По окраине длинный ов-

раг, так ручей (ночью слышно: журчит).

А вокруг — сплошь усеяно солками, горизонтов не видно вообще (даже днем).

Ежедневная норма добычи — четыреста маленьких граммов: горстка блеклых окатышей в небольшой деревянной плошке.

...Целый горный хребет из отвалов породы, прежде тихо таившейся в здешних недрах: все наличное население хутора со своими «белАЗами», избами, баней, ручьем... Все это, вместе взятое, теперь уже там, на дне деревянной штуровины: приготовлено к приключениям.

Назавтра все начинают сначала. В точности так же, как и вчера.

Ночевали в каком-то строении: дверей — оном нет. Только стены да крыша, где ветер воет. Все промерзало насколько до костяшек. (Какая-то лужа отлегло, за ночь — корочка льда.)

Утром выяснилось, что это отхожее место и есть наше жилище на ближайший месяц (а то и на два). Оно же — главный строительный объект.

Барак длинной шестьдесят метров, говорит, коробку воздвигли еще при Сталине. Ждет его тут — не дожидется... (в смысле этот самый барак) — зимой в избах тесно. (А на улице вроде холодно.)

Умывались в ручье. Прозрачный, холодный, как лед. Там же — вода для питья и душа.

А ежели кому куда захотелось — рядышком со сто, зарываясь приземистым соснычком. Навалилась сзади на барак и окаянела. (Ждет посетителей.)

К семи часам позавтракали. Консервами с горячим чаем (вскипятели на печи в столовой). Вроде нежного оттаили.

Принялись за работу — обустроиться надо бы. Стали мастерить стол и навес — для приема пищи на свежем воздухе (в «столовой» ни за что не помещались, уж больно маза).

Тут же стали появляться люди. Зевая во весь рот, они в полном составе выстроились полукольцом, источая гостеприимство и дружелюбие (впрочем, изрядно обладавшие от наблюдаемой природной аномалии). А которые склонны к отставке и риску, немалого поинтересовались, точнее вступили в самый тесный контакт, предлагая советы по плотничьей части. Разглядев, однако, что ребята-то спорные и что все у них вроде ладится, по-доброму махнули рукой и увели население заниматься своими делами.

Все разошлись. Только двое-трое самых любопытных (да видать уж совсем неприкаянных) неужело замаскировались на лавочке за поленницей: будто бы покурить, да погреться на солнышке. (Да казьяку вчерашнюю выдернуть.)

А сами, как только упустили, так снова — как в цирке. Во все глаза — опять в ту же сторону, на «СЭСЗ» это самое (рубашки уж болонно попортились, все целиком как жираф разрисованы). Шеи выткнули, прищурились; и, — то на одного, то на другого пальцем друг дружке попеременно показывая!

— Эко чудо (а радости сколько!) — отродья их живень не видели, человек этой породы.

Неужто теперь так и будут — все бега да бега бегать с бревнами. Неровен час, преставятся.

Ненормальные. Точно.

К обеду вошло распогодило. Раскочегарило — как в Крыму в самый зной.

За стол сели, раздвинулись до пояса, — жарко. Горячие солнце топил смолу из свежеструганых досок — стекает слезой. Хвойный воздух туманит мозги, потихонечку делает лыным. Естественно сводит с ума — есть воле не хочется. (Жуешь лапшу как мочалку — брихо набить.)

И вообще ничего абсолютно не хочется... Кроме одной-единственной вещи: навсегда остаться в этом диковинном хвойном раю, среди этих простых и забавных людей. (К примеру, колоть им дрова для их бабки.)

После обеда обустроившая ночлег: установили кровати (выткнули их ножами в землю), подложили матрасы, одеяла, подушки. Матрасов взяли двойную норму: на один ложиться, другим укрываться поверх одеяла.

Ближе к вечеру в центре поселка, возле столовой, замятелась какое-то оживление.

Подумалось:
— Может, праздник какой у кого-то (день рождения, к примеру).
Или просто так — малость выпить рещили (как-никак воскресенье).
Оказалось, ни то ни другое.
— Собачьи бои.

Два влоклада. Друг против друга. Чуть ли не до смерти — водой разбавляют. На этот раз с водой засоводили. ... И вене-сто пса — ключа. Хоронят весь миром. Как тришки Героя.

Наутра, как только поели, дали разнадрю-так. Чтобы с Крюком не перепутали (на «бара-менте» обещали не раньше, чем завтра).
Выпало точить лопаты. Дня прихосиков. Сказали, штук пятьдесят. Или сто пятьдесят, только сами не знали.

Зато азинут дали верный: «на кузном, мол, надо идти».
— Там у них и точит, и куют.
И еще много чего совершают полезное, даже будто бы зубы подавать могут (золотишко-то вот оно, здесь, под ногами!).

Избенка — кузня была на отшибе. Из поселка ее и не видно, за косогором.
Но наеш.

Стоит вроде банки, возле ручья. Из трубы дым струится. Прозрачный. Как вода в этом самом ручье. Сзади, впритык — сопка в тумане синеется.

Подожел к двери, стукнул. Тишина.
Толкнул ручья — открылось. Шагнул вперед — оторпел: стоит человек, в руке топор — и очень острый. Так и блистит, сверкает (лучик солнца попал как специально).

Сам обитатель замер весь словно камен-ный, молча смотрит в упор исподлобья: не иначе зарубит кого-то собрался. (Или уже зарубил.)

Чуть обратно не выскочил — страшно. Однако вошел, сан с него, еле-еле прома-кивая что полагается — дескать, «здрас-тесть», — вот вы в, прибыв, как велено. (Мол, сразу, дад, не убивайте.)

«Идла» разом перевернулся в глазах, ушибился. Шпунт топор, положил его в углы! А там еще их штук десять, тоже острые — только что с наждака (словно лучик по-пал, куда надо). Кашлянул в кулак, прибли-вился. Распоясился ладонь:

— Иван Иванович.
Тебя-то как, студент поди? Митя? — Ди-митрий, стало быть.
— Ладно.

Проходи, вон лопаты — тебя дожидает. Мне говорили.
Пока он вышел к двери (где светлее), успе-л разглядеть его луче.

На вид — лет 60-65. Росточку совсем небольшого, но жилистый, крепкий.
Руки ло локоть в чернила мажину: все сплошь булавкой исколоты (да и грудь, вер-но, точно такая же).

Лицо тоже крепкое, как и сам; цветом, правда, землистое, — солнца лет двадцать не видело (или, может, кровь не в кондиции). Глаза все время ясные. (Какую-то мысль пречуть.)

Лопаты точили на наждаке. Электричес-ком. Работали молча, вдвоем.
Выпало нажимать кнопки. (Другого реме-сла хозяин никак не доверял.)
— Тут, Димитрий, не бревна: обхватил и скажи жерболю. И не формула с загогулиной, тут moet использовать надо. Делать точно тута нуно. — Ровно абы как с женщиной, когда в самом-самом начале еще у нас...

(Глаза вниз упали кляевой.)

К обеду лопаты закончились. Иван Ива-нович долго благодарил за работу (особен-но за то, как прибился со щеточкой). Потом куда-то нырнул и деловито водрузил на верстак бутылку водки. «Столичная». (Де-то так — ее днем с огнем, а тут у него — между делом, к обеду.)

Заелось, конечно (с наступило). Одна-ко пришлось чуть ли не с боим доказывать, что у нас, мол, пучажки от комсомола — прямо на блинах с печаткой («плутевка» — сам оторос не выдал, но тут как-то с жоду поверилось).

Да еще никак не мог его вразумить, что по нашим свертным обычаям за такие дела — сразу смертная казнь. (Все дураки, смеются над ним, чуть совсем не обиделся.)
Ну ни в какую, насили отбилась.

— Да хоть поешь — поужуй маленько. Посиди со мной за компанью.
У меня тут все при себе. Общество как-то не жалую. Предпочитаю без шуму, один. Кому надо — сами объявятся. Сейчас чаек испячу. На травках тебе заделаю.

Выпало отобедать.
У черта на заминке. Сидя на коллекции холодного оружия.

Через полчаса бутылочка стала пустой. (Два раза чокнулись, кто стаканом, кто кружкой с чаем.)
Выпало стать исповедником.

— Бабу свою пригубил. Топором, Ди-митрий. Обухом. Насовсем порешил. До кон-цов. На Москве было. Давно уже — три де-сятка — вот, прошлый месяц вспоминавал. Красивая, конечно, была. Как царев-на... Веселая, да-а-а. — Спасу нет!

И товарищам мои она тоже нравилась. Всем абсолютно. Долговязым особенно, — вот, наверное тебе.
Как свершил, заболел. — Сердце. Как говдед изнутри коварает и все.

Вернее-нет, до сих пор в снах присня-ется. Унывается как живая, хохочет...
Посидела чуть-чуть, поужури. В тиши-не, в совершенном молчании.
Иван Иванович впился глазом в верстак, в одну точку.

Вдугу прилодился, пулей выскочил в дверь — тут же сразу вернулся, в сильном волнении.
Остановился там, где сидел. Рывком вдонхнул, сразу выдохнул — со всего маху дал по столу чен-то твердым. (Буылка упала и стукнулась к окошку.)

— Звона! Чисто золото. Килограмм. — Тыщда грамм по-научному.
На верстак посреди остатков трапезы тускло поблескивал желтоватый кусок ме-талла, формой напоминающий сплюсненное с двух боков куриное яйцо.

— Это, Димитрий, тебе. От меня подарок. Ей на памятник собирал. По чуть-чуть, кто даст, накапывал.
Лет уж пять, — печка вон, под боком. Обелиси хотел, чтобы до неба. Чтوب из мрамора, чтобы все путем.

— Не судьба.
А тебе ой как сильно согдится. Продашь — на полжизни хватит. У меня на Москве люди верные есть при деньгах. Вот те чуть-чуть, кто даст, не обидат.

Выпало счастье (вроде бы).
В мозги сильно ударило. Не дыша вля-чел в ладочку, прикоснулся другой рукой (впяль-цем). Соннул кулак, ощутив необычную тя-жесть и холод гостинца.

Положил все обратно, вдонхнул.
— Чего сомневаться. — Бери, дурачок. Никто не узнает, не бойся.

Кому-то тут надо вас проверить. Кому-то вы тут нужны. — гольбита. — Извиняй. Это нас тут шманают, как девочек. В по-дозрении числют. Стараются.

Тут ведь как: либо те, что наварде меня, либо те, что на жинин трудятся.
А мозги-то у всех куда надо повернуть, в одну сторону комсомола спрягать.
А? То! — Спит и видит себя при товаре при здешнем где-нибудь там... на Москве.

— Аля в Питере.
Дым не в то горло попал — в палирские щелки раскуривал.

Прокашлял, утерся — продолжил.
— Если все как по-честному, мне тут с ним энерготы. Больше суду натерпелся.
Одна тут дорожка протоптанная, Колым-ская траасса, слылах?

Как нарочно, ее тут придумали, как спе-циально наварде бы сделали. Жизнь захочешь — сейчас на нее. Как на пельте в объятия к ним выпольнешь. Болота крутом — не сорю-ниваться. Луис сожрет, вместе с золотом.

Выпало провить марксизм-ленинизм (и глупость, конечно, в придачу).
— Черт с тобой, Димитрий, — как знаешь. Ни в какую тебя не скоротишь. Настырный.

Наверно, голова у тебя внутри из железя-ки из твердой сделанная. Или вывих тебе констатируй, — извиняй.

Вишь, — опять не судьба получается. Он забрал в кулак золото, вышел. Ок-ликнул.
— Тут же выбежал следом, как ждал.

Иван Иванович стоял на полянке в пяти метрах от входа в избу, и подивя над собою ладом, любовался своим бриллиантом, на-блюдая его в луче солнца.

Наситившись, охнул, сонкнул кулак, уронил руку вниз.
Ни с того ни с сего вдруг весь сжался в ко-мок, почернел; задржал — захрипел, точно при смерти предель резкий волчок на тонкой диск-болы и прорвал заплутав всю штуршину вдаль, цепь прямо впритыку над крышей.

Исчезло без звука; как растворилось. Сразу тут, за мажущей избу, в.

(В сопку, видно, ушло, в чьи зарылось.)
— Одно зло от его... Так же, как и от ббб. Помощак.

— Как оно есть говорю. Как по правде оно получается.
Изучил. В академии, рдлом тут, Двад-цать лет посещал. От звонка до звонка. Заполнял насосем.

Позвонил палирскому, в три затяжки ее искурил. Обхватил руками затылок, походи-лопулял по полянке, глядя в самые носы.
Остановился. Вдонхнул. Медленно-мед-ленно выпустил воздух.

Подожел совсем близко, вплотную (что-бы можно меркнуть).
— Ладно, Димитрий, пустое. Тебя там, наверно, того... сотоварищи дождикат.
Давай, с богом. Иди, прощайся.

Дав с бревнами-то полегше. Не лжонись, не надо. Спишу спордишь, и все.
А так — захоти, как лопаты заржавле-ны. Или просто — чачеку попить. Посидим, расскажем что-нибудь...
(Глаза, как и дваче, вниз куда-то пропали.)
А может, того... камешок наш сохдед поивею... Пока в листья не вросло. (Хохот-нул будто горе, без радости.)
Если что, я всегда где-то тута. По желе-зу, сам видный, работаю.

ССО - Гель, Магаданская обл. 1974 г.